

Казакова Александра Андреевна

старший преподаватель кафедры истории
и теории социологии социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ИНКЛЮЗИВНЫЙ РОСТ: ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация:

Термин «инклюзивный рост» в последнее десятилетие получил широкое распространение в девелопменталистском дискурсе: как на национальном уровне (стратегические программы развивающихся стран), так и на глобальном (аналитические документы мультилатеральных организаций, тематика международных исследовательских центров). Вместе с тем его применение ограничено терминологическим полем экономической политики. В статье сформулирована программа социологического исследования этой доктрины, затрагивающая как методологические проблемы измерения, так и общие вопросы теории социального развития.

Ключевые слова:

инклюзивный рост, социальное развитие, глобализация, «мировой Юг», модернизация, социальное государство, социальное неравенство, качество жизни.

Kazakova Alexandra Andreyevna

Senior Lecturer,
History and Theory of Sociology Subdepartment,
Sociology Department,
Lomonosov Moscow State University

INCLUSIVE GROWTH: A PROBLEM OF SOCIOLOGICAL CONCEPTUALIZATION

Summary:

In recent years the term “inclusive growth” has been widely used in the development discourse on both national level (strategic programs of developing countries) and on the global one (expert documents of the multilateral organizations, subject matter of international think tanks). Still, its application is limited by the terminological field of the economic politics. The article presents a project of sociological research of the “inclusive growth” doctrine dealing with both methodological and theoretical aspects of the theory of social development.

Keywords:

inclusive growth, social development, globalization, “the global South”, modernization, welfare state, social inequality, quality of life.

В последнее десятилетие термин «инклюзивный рост» приобрел большую популярность в девелопменталистском дискурсе. В качестве синонимичных используются также понятия «общий рост» (shared growth), «рост, ориентированный на бедных» (pro-poor growth), «справедливый рост» (equitable growth) и т. д. Под «инклюзивностью» понимается более равномерное распределение выгод от экономического роста среди различных групп населения. С начала 2000-х гг. в крупнейших развивающихся странах обозначилась тенденция к регулированию социальной поляризации, обусловленной глобальной экономической либерализацией 1980–1990-х гг. Наиболее известной и обсуждаемой программой стала китайская стратегия «гармоничного общества». Однако и другие восходящие страны «мирового Юга», несмотря на существенные различия политической ситуации и опыта либеральных реформ конца XX в., на официальном уровне объявили борьбу с неравенством и исключенностью национальным приоритетом.

В настоящее время концепция инклюзивного роста уже не сводится к политическим инициативам отдельных правительств. Она включена в повестку дня международных организаций и их аналитических центров (think tanks), таких как Всемирный банк и МВФ, ООН, Азиатский банк развития и т. д. [1], и в этом смысле стала мейнстримом экономической политики для развивающихся стран. Отчасти это обусловлено и возросшим влиянием самих стран – лидеров «мирового Юга» в глобальном политическом и экспертном сообществе, зафиксированным в концепте «Пекинский консенсус» [2] (в противовес «Вашингтонскому»). Так, в 2004 г. бразильское правительство стало инициатором создания в рамках Программы развития ООН Международного центра политики инклюзивного роста для разработки и обмена опытом социальной политики между странами Юга, который охватывает сейчас более 37 000 ученых, представителей власти и гражданских организаций [3].

Существуют расхождения относительно критериев инклюзивности роста: таковыми могут быть опережающие или не ниже среднего темпы роста уровня жизни в прежде ущемленных группах, рост с расширением занятости и т. д. Однако сам концепт предполагает выход за рамки экономоцентристского подхода. Для обеспечения «инклюзивности» требуется исследование социальных механизмов «исключения», «эксклюзии». В связи с этим возникает проблема социологической интерпретации понятия, принадлежащего нормативной терминологии экономической политики.

В первую очередь при обсуждении распределения «эффектов» экономического роста очевидно недостаточно описания относительного уровня жизни различных слоев населения. Методология исследований «качества жизни», «развития человеческого потенциала» основана на комплексном рассмотрении условий существования человека. Социологическая интерпретация понятий «доступа» (Дж. Рифкин) и «рисков» (У. Бек) указывает на значимость немонетизируемых ресурсов. Безопасность и риски (в сфере труда, здоровья, преступности, экологии) весьма противоречивым образом связаны с уровнем материального благосостояния. Понятие «доступа» (прежде всего к информации) подчеркивает субъект-объектные отношения в распоряжении социальными благами. Иными словами, описание распределения материальных благ (дохода и собственности) в современной социологии считается не только механистичным и неполным, но и затуманивающим реальные условия и проблемы существования людей. Из этого вытекает необходимость разработки, как на теоретическом, так и на методологическом уровне, процедуры описания аспектов социального благополучия. Наиболее известный подход в данном контексте – «подход с точки зрения возможностей» (*sarability approach*) и «развития человеческого потенциала» (*human development*), разрабатываемый А. Сенем и его последователями (М. Нуссбаум и др.) и реализуемый в международных исследованиях ООН [4].

Второй блок вопросов, возникающих при анализе концепта «инклюзивный рост», связан с интерпретацией понятия «распределение». Речь идет об измерениях, механизмах и формах социального неравенства. Современная социология стремится к комплексному описанию социального неравенства: материального, информационного, в области безопасности; «современного» («классового», «рыночного», связанного с «достижимостью» статуса) и «традиционного» (этнического, расового, гендерного, кастового и др., связанных с «аскриптивностью» статуса). Теория «интерсекциональности», получившая широкое распространение в феминистическом направлении, отражает эту теоретическую установку. Вместе с тем социологическая теория неравенства не может рассматриваться вне контекста общей теории социального развития, и это приводит нас к третьему кругу вопросов.

Противоречивая взаимосвязь между экономическим ростом и социальным развитием дискутируется на протяжении всей истории развития социологической теории. Исторический опыт рубежа XX–XXI вв. стал важнейшим материалом для социологической теории. Распад социалистического лагеря и кризис левого движения отразились в представлениях о «конце истории», «конце политического», скепсисе в отношении социального проектирования, «большого государства» и потенциала коллективного действия. В свою очередь, подобные умонастроения составляли идеологический климат неолиберальной модели глобализации, разгосударствления экономик, демонтажа социального государства. По прошествии двух десятилетий рост международного и национального неравенства стал очевидным фактом, а критика неолиберализма – общим местом в социально-экономической мысли. Опыт развивающихся стран, признанных главными бенефициариями современного этапа глобализации («восходящих гигантов»: Китая, Бразилии, Индии и др.), показал, что возможности, предоставляемые экономической открытостью, наращиванием экспорта и инвестиций, неразрывно связаны с побочными эффектами: ростом зависимости от мировой рыночной конъюнктуры, неформальной занятости, неконтролируемой миграции, диспропорций между регионами и отраслями. С начала 2000-х гг. ими разрабатываются стратегии развития, на новом уровне и в новых условиях затрагивающие проблемы модернизации и роли государственного проектирования, социальной политики, солидаризма и социального консенсуса. Приведем краткие примеры программ, отнесенных нами к доктрине «инклюзивного роста».

Бразилия. Изменения социально-экономического курса в Бразилии вписываются в общерегиональную тенденцию «левого поворота» начала прошлого десятилетия. На волне критики неолиберальной модели 90-х гг. и массовой низовой мобилизации [5] к власти приходит левоцентристское правительство Л. да Силвы (2003–2011 гг.) и его преемницы Д. Русеф (с 2011 г.). Исследователи характеризуют новую стратегию развития как «экономический национализм» в сочетании с обширной социально ориентированной политикой, и даже как «социальную модернизацию», противопоставляемую «росту без развития». Доктрина инклюзивного роста достаточно четко была определена самим Л. да Силвой: «Меры по распределению доходов и “включению” в общество ранее “исключенных” слоев, ... что позволяет сформировать новых граждан и новых участников потребительского рынка» [6, с. 7–8]. Одной из самых крупномасштабных и обсуждаемых социальных программ в мире стала *Bolsa Familia* («Семейное пособие») – программа обусловленных денежных трансфертов (*conditional cash transfers*), направленная на расширение доступа к образованию и здравоохранению детей и подростков из бедных семей.

Однако бразильский опыт демонстрирует и ограничения государственной интервенции в экономические процессы в условиях глобализации. Необходимость поддержания благоприятной

инвестиционной среды и финансовой стабильности обусловила преемственность внешнеэкономического курса. Налоговая и земельная политика, имеющие принципиальное значение для высокополяризованного латиноамериканского общества, также оставались в целом консервативными. В последние годы, на волне общемирового подъема протестных настроений, в качестве нового политического субъекта проявляет себя молодой городской средний класс. Образованная городская молодежь имеет высокие стандарты потребления и политического участия и в то же время в полной мере уязвима перед социально-экономической нестабильностью, характерной для глобализированной экономики. Коррупционные и налоговые издержки, неизбежно сопутствующие крупным социальным программам, становятся основанием политической мобилизации и протеста. Политический интерес этой социальной группы смещен от перераспределительных мер к качеству управления [7].

Индия. Инклюзивный рост был объявлен основанием разработки 11-го и 12-го пятилетних планов в Индии (2007/08–2016/17 гг.). С середины 2000-х гг. этот термин фигурирует в большинстве программных документов индийского правительства, например India Vision 2020. На политическом уровне корректировка социально-экономического курса произошла после возвращения к власти партии Индийского национального конгресса в результате выборов 2004 г. в коалиции с левыми партиями на основе критики рыночных реформ предшествующего десятилетия, и в особенности масштабной приватизации. Отмечается активизация социальной политики в нескольких аспектах: во-первых, существенный рост вложений (например, доля государства в общих расходах на здравоохранение, снизившаяся в течение 1995–2004 гг. с 26 до 21 %, в течение 2004–2012 гг. достигла 33 %) [8]; во-вторых, более селективная направленность на ущемленные группы населения (мелкое фермерство, безземельные крестьяне, самозанятые, жители трущоб, внутренние мигранты, этнические меньшинства, женщины); в-третьих, увеличение доли центрального финансирования, нацеленное на перераспределение ресурсов в пользу отстающих регионов. Наибольшую международную известность среди них приобрела национальная программа сельской занятости (Mahatma Gandhi National Rural Employment Guarantee Act), ставшая самой масштабной в абсолютных величинах программой обеспечения занятости в мире, – число добровольных участников составляет в среднем 50 млн семей в год (около четверти всех крестьянских семей) [9].

Индийский опыт, однако, демонстрирует другое ограничение социальной политики государства в условиях глобализации. 11-й план, включавший масштабные социальные расходы (и получивший название «пятилетки образования»), составлялся с расчетом на поддержание темпов экономического роста начала 2000-х гг. Однако после мирового кризиса он существенно снизился, а особенно уязвимым оказался сельский сектор, рост в котором сократился с 6 % в 2007–2008 гг. до 0,1–1 % в 2008–2010 гг. (при плановом уровне 4 %). В результате недофинансирования не были достигнуты целевые показатели в принципиальных инфраструктурных проектах: строительстве сельского жилья, сельских дорог, электрификации и водоснабжении, обновлении городского жилья [10].

Китай. Нарастание социальной напряженности и потребность переориентации экономики с экспортно-обусловленного роста, основанного на дешевом труде, на расширение массового внутреннего спроса определили к середине первого десятилетия XXI в. необходимость корректировки политического курса. Доктрина инклюзивного роста оформляется в Китае в серии взаимосвязанных политических концептов: «гармоничное общество», «научная концепция развития» и др., выдвинутых на официальном уровне в 2003–2007 гг. Политическая концептуализация «новой модели роста» сопровождалась широкой научной и партийной дискуссией. Социально-экономическая дифференциация стала центральной темой общественных наук в Китае с конца 90-х гг. [11]. С 2004 г. как в научной печати, так и в СМИ отмечается активная кампания критики результатов приватизации предприятий и в целом социальных последствий рыночных реформ и экономической глобализации [12].

Выдвинутая на 3-м пленуме в 2003 г. и одобренная XVII съездом ЦК КПК в 2007 г., в контексте мирового финансового кризиса «научная концепция развития» зафиксировала отход от программы «всемерного ускорения роста», определявшей национальную стратегию в 1990-х – начале 2000-х гг., отличаясь большей социально-экологической ориентацией и акцентированием солидаристских мотивов [13]. Идеино-теоретическое обоснование новой программы сочетает апелляцию к национально-традиционалистским мотивам (прежде всего конфуцианству) и рациональному знанию («научная концепция развития») [14].

В этот период отмечается существенное усиление помощи отстающим слоям и регионам, особенно после мирового кризиса 2007–2008 гг. Существенно увеличилось дотирование сельского образования (2005 г.) и инфраструктуры, сформирована новая система медицинского страхования в деревне, пришедшая на смену фактически распавшейся с деколлективизацией кооперативной системе. Интенсифицировалось субсидирование западных и центральных провинций

[15]. Было реализовано несколько законодательных и ресурсных проектов, направленных против гендерной дискриминации и демографического дисбаланса, в том числе Закон о стимулировании занятости (2007 г.) [16], повышение пенсионных выплат, поддержка семей с дочерьми [17].

Китайский опыт демонстрирует еще одно существенное ограничение «инклюзивного роста». Переструктурирование и выравнивание экономического развития между секторами и регионами неизбежно ведет к некоторому снижению динамики роста, продемонстрированной в период отрыва «полюсов». Это противоречит сформировавшейся за годы рыночных реформ логике управления и интересам на местах [18], что приводит к необходимости принятия первоочередных мер по борьбе с коррупцией.

Приведенные примеры демонстрируют проблемы социологического анализа программ социального развития в контексте глобализации. Наблюдаемые схожие тенденции в различных регионах планеты обусловлены общими сдвигами механизмов в глобальной экономике. В то же время специфические проблемы социальной структуры и политической организации требуют выхода за пределы универсалистского подхода и контекстуализации социологического исследования на конкретном социокультурном и политико-экономическом материале. Исследование опыта развивающихся стран, и в первую очередь партнеров России в БРИК(С), может представить важнейший материал для современной социологической теории развития.

Ссылки и примечания:

1. Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank 2008–2020 [Электронный ресурс]. Mandaluyong, 2008. 35 p. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32121/strategy2020-print.pdf> (дата обращения: 30.01.2016) ; The Managing Director's Global Policy Agenda [Электронный ресурс]. 2013. October. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2013/101213b.pdf> (дата обращения: 10.02.2016) ; The World Bank Annual Report 2015 [Электронный ресурс]. 60 p. URL: <http://www.worldbank.org/annualreport2014> (дата обращения: 01.02.2016).
2. Ramo J.C. The Beijing Consensus [Электронный ресурс] / The Foreign Policy Center. London, 2004. 74 p. URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (дата обращения: 20.01.2016).
3. International Policy Center for Inclusive Growth [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipc-undp.org/> (дата обращения: 01.02.2016).
4. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. 432 с.
5. Harris R.L. Popular resistance to globalization and neoliberalism in Latin America // *Journal of Developing Societies*. 2002. № 19 (2–3). P. 365–462.
6. Окунева Л.С. Бразилия: опыт социальной модернизации в начале XXI в. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 2. С. 2–17.
7. Сордж Б. Наступила ли новая эра в бразильской политике? // *Мониторинг*. 2014. № 3 (121). С. 159–164.
8. По данным Всемирного банка (<http://www.worldbank.org/>).
9. Thorat S., Dubey A. How Inclusive has Growth been in India during 1993/94–2009/10? Implications for XII Plan Strategy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/human-development/how-inclusive-has-growth-been-in-india-during-1993-94-2009-10.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
10. Burange L.G., Karnik N.N., Ranadive R.R. India's inclusive growth and development: an assessment // *Articles and Case Studies: Inclusive & Sustainable Growth Conference*. 2012. Vol. 1, № 2. P. 7.
11. Гийо Ж. Новые социальные классы Китая: как рассматривать неравенство? // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2007. № 4. С. 150.
12. Бергер Я.М. Китай уточняет курс // *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 3. С. 2–12.
13. Пивоварова Э.П. Методология марксизма и реалии его развития в конкретных условиях Китая // *Экономическое возрождение России*. 2009. № 1. С. 76–80.
14. Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 85–86.
15. Галенович Ю.М. КНР: Общество гармонии и согласия? // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 3. С. 16–19.
16. Zhang Y., Hannum E. Diverging fortunes: The evolution of gender wage gaps for singles, couples, and parents in China, 1989–2009 // *Chinese Journal of Sociology*. 2015. Vol. 1 (1). P. 15–55.
17. Sex Differentials in Childhood Mortality : United Nations publication ST/ESA/SER.A/314 / United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. New York, 2011. P. 45.
18. Бергер Я.М. Указ. соч.

References and notes:

1. *Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank 2008-2020* 2008, Mandaluyong, 35 p., retrieved 30 January 2016, <<http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/32121/strategy2020-print.pdf>>; *The Managing Director's Global Policy Agenda* 2013, October, retrieved 10 February 2016, <<http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2013/101213b.pdf>>; *The World Bank Annual Report 2015* 2015, 60 p., retrieved 01 February 2016, <<http://www.worldbank.org/annualreport2014>>.
2. Ramo, JC 2004, *The Beijing Consensus*, The Foreign Policy Center, London, 74 p., retrieved 20 January 2016, <<http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf>>.
3. *International Policy Center for Inclusive Growth* 2015, retrieved 01 February 2016, <<http://www.ipc-undp.org/>>.
4. Sen, A 2004, *Development as Freedom*, Moscow, 432 p.
5. Harris, RL 2002, 'Popular resistance to globalization and neoliberalism in Latin America', *Journal of Developing Societies*, no. 19 (2-3), p. 365-462.
6. Okuneva, LS 2010, 'Brazil: the experience of social modernization in the beginning of the XXI century', *Bulletin of the MGIMO-University*, no. 2, p. 2-17.
7. Sorge, B 2014, 'Whether a new era in Brazilian politics come?', *Monitoring*, no. 3 (121), p. 159-164.

8. According to the World Bank (<http://www.worldbank.org/>).
9. Thorat, S & Dubey, A 2010, *How Inclusive has Growth been in India during 1993/94-2009/10? Implications for XII Plan Strategy*, retrieved 10 April 2016, <<http://www.in.undp.org/content/dam/india/docs/human-development/how-inclusive-has-growth-been-in-india-during-1993-94-2009-10.pdf>>.
10. Burange, LG, Karnik, NN & Ranadive, RR 2012, 'India's inclusive growth and development: an assessment', *Articles and Case Studies: Inclusive & Sustainable Growth Conference*, vol. 1, no. 2, p. 7.
11. Guillot, J 2007, 'New social classes of China: how to deal with inequality?', *Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Episode 9: Oriental and African Studies*, no. 4, p. 150.
12. Berger, JM 2008, 'China clarifies course', *Asia and Africa today*, no. 3, p. 2-12.
13. Pivovarova, EP 2009, 'Methodology of Marxism and the realities of its development in the concrete conditions of China', *Economic Revival of Russia*, no. 1, p. 76-80.
14. Titarenko, ML 2008, *The geopolitical importance of the Far East: Russia, China and other Asian countries*, Moscow, p. 85-86.
15. Galenovitch, YM 2006, 'China Society of harmony and concord?', *Asia and Africa today*, no. 3, p. 16-19.
16. Zhang, Y & Hannum, E 2015, 'Diverging fortunes: The evolution of gender wage gaps for singles, couples, and parents in China, 1989-2009', *Chinese Journal of Sociology*, vol. 1 (1), p. 15-55.
17. *Sex Differentials in Childhood Mortality: United Nations publication ST/ESA/SER.A/314* 2011, United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, New York, p. 45.
18. Berger, JM 2008, 'China clarifies course', *Asia and Africa today*, no. 3, p. 2-12.